

В серию входят:

Кофейные истории I

Кофейные истории II: Искусство и кофе

Кофейные истории III: Кофе со льдом

Кофейные истории IV: Кофе с сюрпризом

Кофейные истории V: Кофе, можжевельник, апельсин

Кофейные истории VI: Кофе с привкусом вишни

Кофейные истории VII: Кофе для эстетов

Кофейные истории VIII: Терпкий кофе, сладкий жасмин

Кофейные истории IX: Кофе и полынь

Ключ от всех дверей

Прочь из моей головы

Лисы графства Рэндалл

Тимьян и клевер

Трое для одного

Забери меня отсюда

Огни Хафельберга

Белая тетрадь

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)
Р67

Ролдугина, С.
Р67 Кофейные истории IX: Кофе и полынь/ С. Ролдугина; ил.
А. Гагариновой. — М. : Т8 Издательские технологии /
RUGRAM, 2024. — 274 с. : ил. — (Миры Софьи Ролдугиной).

ISBN 978-5-517-12056-4

Когда одна эпоха уходит, то наступает другая.
Кэбы и омнибусы всё так же раскатывают по улицам
Бромли, и под землёй шумит метро, но чудовищная тень
катастрофы уже раскинула над городом крылья. Всё чаще у
границ Аксонии видны боевые дирижабли, а ветер пахнет
порохом и железом...

А у леди Виржинии своя битва — с мёртвым колдуном, не
один век терзающим её семью. Ставки велики, и страшно
сделать первый шаг: ведь враг сумел забрать уже многие
жизни.

Вот только на сей раз Виржиния не одна.
...когда слышен напев флейты Крысолова, тьма отступа-
ет — и начинается новый день.

BIC FM
BISAC FIC009000

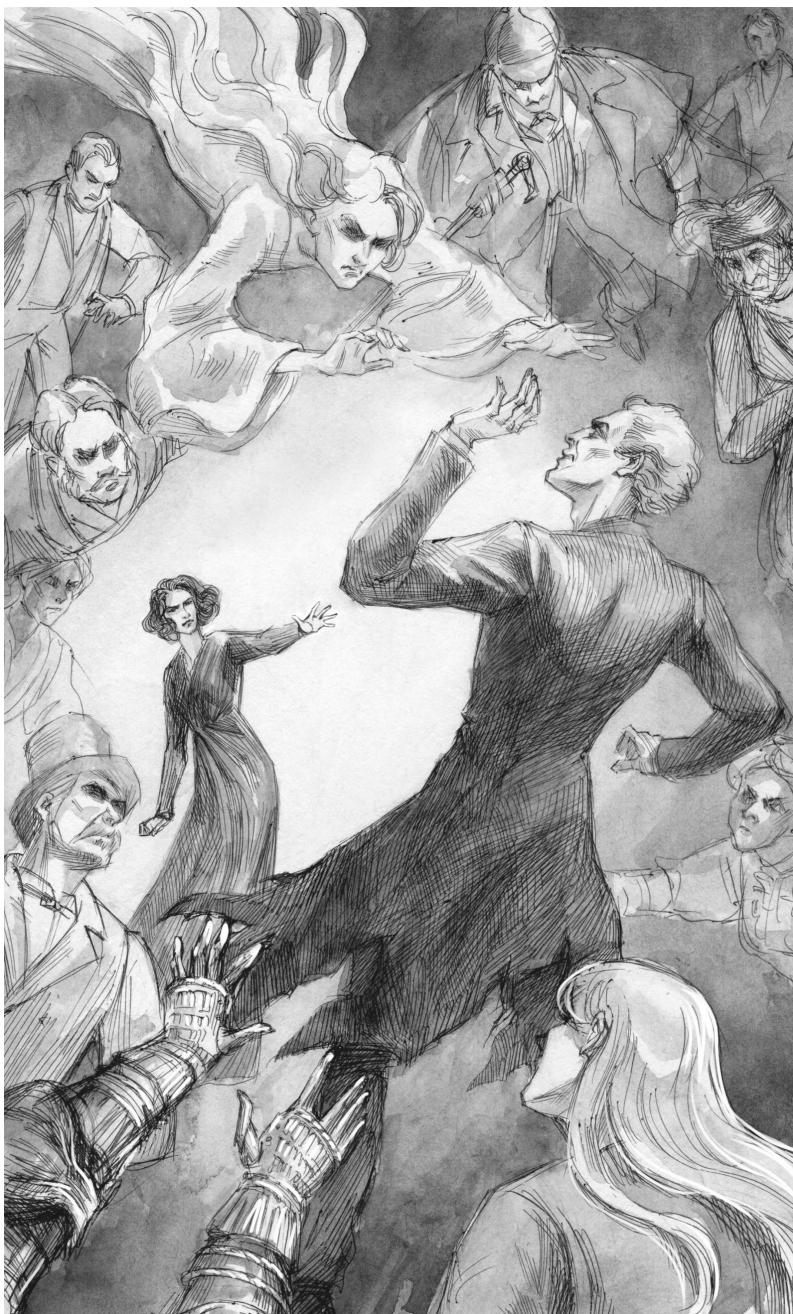
© Софья Ролдугина, текст, 2024
© Алина Гагаринова,
иллюстрации и обложка, 2024
© RUGRAM, 2024
ISBN 978-5-517-12056-4 © Т8 Издательские технологии, 2024

Софья Ролдугина

Кофейные истории IX: КОФЕ И ПОЛЫНЬ

RUGRAM

Москва
2024

Кофе и полынь

*Полынь называют «травой памяти»,
а ещё считают символом печали.*

*Но разве память и печаль — одно и то же?
Зачастую в трудные времена лишь добрые воспоминания
и надежда придают сил, чтобы двигаться дальше.
Улыбки близких, занимательные истории, мечты,
которым только предстоит сбыться —
память хранит всё это... Но иногда она бывает горькой.*

Как и полынь.

*Забавный факт: из эстрагона, также известного
как «драконова полынь», делают освежающий лимонад,
который ничуть не горчит. Добавляют «драконову полынь»
иногда и в кофе, особенно когда готовят его методом холодного
настаивания: засыпают в френч-пресс несколько ложек
молотых зёрен, добавляют по вкусу эстрагона и лаванды,
а затем заливают обычной водой и оставляют в холодильнике
или на леднике на семь-восемь часов.*

*Такой кофе имеет необычный пряный вкус,
освежает в жару и придаёт сил.
А ещё, как говорят, благотворно влияет на память.*

Но это не точно.

Вторая половина лета в Бромли выдалась очень странная — тихая, ровная, но мучительная. Не было ни особенной жары, ни холодных проливных дождей. Изредка город укрывали туманы, и тогда ощущение давящей, оглушительной тишины становилось почти невыносимым.

Газеты выходили реже.

Об Алмании сперва писали разнообразно и бурно, однако чем дальше, тем более сдержанными становились статьи... и более монотонными, что ли, словно все тексты правил один и тот же редактор. Я ими, впрочем, не интересовалась. Хватало и других хлопот: сперва пришлось искать нового поставщика шоколада для «Старого гнезда», а потом — о, коварный удар судьбы! — и кофе. Замену мы нашли, пусть и не сразу, а постоянные посетители даже не заметили разницы... Хотя её, безусловно, заметил Георг, о чём не преминул мне доложить.

Верней, наворчать.

Не забывала я и о своих намерениях отыскать тело Валха, мёртвого колдуна, и окончательно избавиться от него. Но, увы, ниточек, за которые можно бы ухватиться, было не так и много, да и те зыбкие: вещие сны, обмолвки Абени, редкие записи в дневниках леди Милдред и моей матери. О, записи я изучила все, едва ли не наизусть затвердила! Но тщетно. Удалось лишь узнать, что тело Валха, его главная слабость, находилось где-то в Бромли — ведь иначе, как считала моя мать, мёртвому колдуну не удавалось бы с такой лёгкостью манипулировать людьми в окружении нашей семьи и подстраивать ловушки, одну за другой.

Но Бромли огромен — и мертвецов здесь, увы, хватает.

Ближе к концу лета Клэр уговорил меня на несколько недель уехать из города в обновлённый, верней, заново отстроенный фамильный замок Валтеров — вместе с детьми, с Паолой, с Мэджи... и с Эллисом, которому после поимки «Бромлинской Гадюки» не только вручили награду, но и настоятельно рекомендовали на некоторое время удалиться от дел. И немудрено: слишком многие — в том числе и весьма высокопоставленные — лица были замешаны в контрабанде, и кое-кто мог бы попытаться выместить своё недовольство на детективе, прищемившем «Бромлинской Гадюке» хвост.

И на его невесте.

Так или иначе, дядя Рэйвен пообещал разобраться с этим, но ему требовалось время, а значит предложение провести неделю-другую на некотором отдалении от Бромли звучало весьма разумно.

К слову, о дяде Рэйвене...

О том, что я разорвала помолвку, вскоре, разумеется, стало известно. Сперва эту новость много обсуждали, пожалуй, больше даже, чем войну, однако затем сплетни утихли — разом, как по команде; и не только в газетах, но и в светских салонах. Святые Небеса, даже в кофейне никто — или почти никто — не спрашивал меня о причинах разрыва! Сочувствовали, предлагали помощь, развлекали — да, но не проявляли излишнего любопытства. Вряд ли из врождённой деликатности, скорее, тут сыграла роль грозная репутация дяди Рэйвена. Но я в любом случае радовалась, что не приходится ничего объяснять, во многом потому, что не была готова говорить об этом за пределами семьи... Так же как и о том, что Лайзо ушёл — я не читала газет, старалась даже не видеть снов, чтоб ненароком не зацепить взглядом нечто ужасное, какой-нибудь страшный знак.

...а в самом начале осени мне пришло письмо — маленькое, в потрёпанном конверте, куда была вложена, кроме листка бумаги, и засушенная фиалка.

Настоящая эмильская фиалка, да.

Это было послание от Лайзо — и писал он из Марсовии.

«...поздравь меня, Виржиния, я снова беден, как церковная мышь. В карманах пусто — хотя и не настолько, как считают мои нынешние приятели и тем более командиры. Продажу офицерских патентов запретили ещё лет сорок назад, однако приобрести себе место на службе по-прежнему можно. Только теперь деньги переходят не в казну... Впрочем, неважно.

А важно, что я нынче считаюсь офицером.

У меня в подчинении трое крепких парней, самых неблагоприятных, каких только можно себе представить. Всех их — как, впрочем, и меня самого — привели на службу мотивы, крайне далёкие от патриотизма... С теми двумя, что мечта-

ют подзаработать и вернуться домой в ореоле почёта и уважения, ещё можно иметь дело, а вот что делать с последним, который пришёл сюда, страдая от неразделённой любви, дабы сложить голову в бою — ума не приложу. Для начала я побился с ним об заклад, что он не сумеет повернуть кое-какую штуку; похоже, что он парень азартный, так что это может и сработать.

Впрочем, я, кажется, чересчур углубляюсь в детали.

Наверное, тебе интересно, как мне вообще в голову пришла мысль расстаться с тобою вот так и отправиться туда, где повсюду лишь мрак, смерть, кровь и предательство? Я и сам, пожалуй, не понимаю. Мой отец... Только сейчас, когда я пишу эти строки, я понимаю, что почти ничего не рассказывал тебе о своей семье. Пожалуй, стыдился, а сейчас думаю, что и зря; но так или иначе, всё началось с моего отца, того, который мне отец по крови, с Джеймса: он из рода потомственных вояк, и его старшие братья дослужились до весьма высоких чинов. Он же вынужден был оставить службу, ибо никто ни из его семьи, ни из друзей не принял женитьбы на бродяжке-гитси, пусть и красавице. Как не приняли ни Тома, когда он родился, ни меня... Единственный, кто продолжал общаться с моим отцом, был его дед — мой, стало быть, прадед. Он сейчас стар, как пень, однако сохранил кое-какие связи, и когда отец пришёл к нему с просьбой — единственной за минувшие тридцать лет — дед откликнулся.

Сказал, что это не то привет, не то подарок со смертного одра — сущие глупости, он проживёт ещё несколько лет точно.

Так мне составили протекцию и познакомили с нужными людьми; сотня хайрейнов одному, две — другому, и вот я здесь.

Признаться откровенно, у меня до последнего оставалась надежда, что заниматься я буду самолётами. Рекомендовали меня как лётчика и механика, и не кто-то, а сами супруги Перро... Однако стоило здешним генералам узнать, что я знаю несколько языков и в Марсовии, пожалуй, сойду за своего, как мне нашли другое занятие. Если я справлюсь с ним, то получу повышение.

Если же нет...

Об этом, пожалуй, не будем, но к тебе я обязательно вернусь, так говорят и карты, и руны, и кости. Здравый смысл, правда, твердит иное, но приличному колдуну слушать его — себя не уважать.

Меня страшит другое.

Когда я спрашиваю карты и кости о тебе, то колода разлетается, а узор не складывается. Слишком много путей, и враг опасен; он сокрыт в тени, кружит подле тебя, стремясь подловить в минуту слабости... В твоей силе я не сомневаюсь. Но всё же, прошу, будь осторожней: колдуны — уж это я знаю наверняка — частенько действуют чужими руками. И мне хочется сказать: затаись, спрячься...

Но не буду, потому что именно этого он от тебя и ждёт.

Не оставляй спину открытой, но всё же ступай с гордо поднятой головой. Не дразни врага попусту, однако и не медли, когда он приготовится ударить — ударь первой, рука у тебя тяжёлая, он, пожалуй, может и не подняться...

Пусть не ты боишься его, а он тебя.

Впрочем, зря я пишу; ты и сама, без меня, знаешь, что делать, а мне... мне, наверное, хочется загладить свою вину, хоть так выпросить прощения за то, что я оставил тебя.

Но так было надо.

Что же до этого письма, избавься, пожалуйста, от него, как только получишь — я и так написал его против всех правил: мне положено быть тише воды, ниже травы и притворяться уроженцем здешних земель.

Никогда бы не подумал, что стану так скучать по хорошему кофе — и аксонским туманам.

Надеюсь увидеть тебя во сне.

*Люблю,
Л.»*

Когда я дочитала последнюю строчку, то вернулась к началу и снова пробежала письмо глазами; запомнила, сколько смогла, а затем бросила и само послание, и конверт в камин, оставив только сухую фиалку. Дождалась, пока бумага прогорит, тщательно разворошила угли...

И лишь затем позволила себе заплакать.

Лайзо был там, в Марсовии, где «повсюду лишь мрак, смерть, кровь и предательство», по его собственным словам; а ведь он никогда не жаловался и не приукрашивал своих несчастий, значит... значит...

Задумываться об этом, как и о том, что он может не вернуться, было невыносимо. Кажется, только сейчас я осознала — и с необыкновенной остротой — что он далеко. Прежде на первый план выходила другая мысль: Лайзо оставил меня, и именно тогда, когда удалось наконец раскрыть подоплёку смерти моих родителей и подобраться к Валху почти вплотную... Было больно и одиноко. Но всё же здесь я никогда не оставалась по-настоящему одна, а друзья и союзники могли в любой момент протянуть руку помощи. А у Лайзо там, в Марсовии, были только «трое не слишком надёжных парней» — и некое опасное поручение, о котором он не мог поведать даже в общих чертах.

Впрочем, я понимала примерно, что за приказ ему отдали: любая война всегда — это не только гром пушек, но ещё и противостояние лазутчиков.

И Лайзо, как никто иной, подходил на эту роль...

— Леди Виржиния? — робко поскреблась в дверь Юджиния. — Сэр Клэр Черри велел спросить, спуститесь ли вы к ужину... Ох! Вам дурно?

С некоторым удивлением я осознала, что сижу прижав ладони к лицу — и вид у меня, готова поспорить, не самый здоровый.

— Ах, нет, всё в порядке, — заставила я себя улыбнуться. — Что-то попало в камин, и в комнату дым нашёл, только и всего. Надо же, ужин готов! Как быстро летит время.

— Лучше и не скажешь, леди Виржиния, вон, и лето уже миновало — мы его и распробовать не успели, — благоразумно согласилась Юджи, продолжая исподтишка разглядывать моё лицо.

И немудрено: в наблюдательности ей не откажешь, и мои повадки она знает уж слишком хорошо, чтобы обмануть её такой прямолинейной выдумкой. Однако даже если Юджи и заметит что-то неладное, вряд ли она кому-то расскажет — в отличие от

